

Кто ж начал, кто первый взял гитару и, подойдя к микрофону, стал не читать стихи, а петь их? Кто — у истока традиции? Кто был первым «бардом», поющим поэтом нашего времени?

Многие полагают: Окуджава. Еще чаще говорят: Высоцкий. У людей есть основания думать так. Но если быть точными, то у истоков современной звучащей лирики стоит Визбор.

Юрий Визбор.

Было время — недолгое, полтора-два года в конце пятидесятых, — когда именно он, ярко выдвинувшийся, как бы выплывший из волн широко разлившейся тогда студенческой песни, единолично овладел вниманием и сердцами слушателей. Это было до Окуджавы, до Высоцкого, до Анчарова, до Кима, Коваля и Новеллы Матвеевой, пожалуй, даже до Городницкого и Ады Якушевой. Магнитофонные ленты, передаваемые «из дома в дом», и живые голоса, подхватывающие песню «от костра к костру», были словно отражением облика самого Визбора, веселого, желтоволосого, круглолицего парня в ковбойке, который не то пел, не то «шептал», не то рассказывал с берущей за душу простотой.

Лыжи у печки стоят...

Гаснет закат за горой...

Он был изумительно, прирожденно артистичен, этот певец у костров, и в его артистизме уже была нащупана своя долгая тема. Своя интонация, найденная сразу и точно. Тогда шутили: у Визбора даже гитара смеется! В его голосе искрилось какое-то полускрытое ликование, у него улыбалось каждое слово, каждый звук; эта свободная играющая радость окрашивала у него любую песню, даже грустную.

Через десятилетия пронес Визбор эту свою улыбку. Рядом с пронзительной элегической печалью Окуджавы, рядом с яростным, гневным напором Высоцкого

не потерялась искрящаяся улыбка Визбора, и песни его узнаваемы именно по отсвету смеха.

Хотя жизнь так сложилась, что песни его все-таки несколько потерялись в том половодье поющей поэзии, которое началось с его же веселого ручья. Рядом с «бардами», которые, подобно Окуджаве и Высоцкому, прогремели на всю страну (а эти и на весь мир), зазвучали десятки голосов, родственных голосу Визбора, близких ему по теме и тембру, им же и пробужденных. Употребляя метафору в милом Визбору «альпинистском» и «горнолыжном» духе, скажу, что он вызвал лавину, из которой выбирался потом всю жизнь.

Жизнь его оказалась недолгой. Всего пятьдесят лет. Он успел многое. Написал несколько сценариев, издал пару книжек рассказов, сыграл несколько киноролей. Оставил верою прелестных акварельных и гуашевых пейзажей («зеленые озера да черточки лесов...», промытые, яркие, детские-доверчивые краски). Природа, щедро одарившая этого человека талантами для столь разных сфер, пожалуй, сыграла с ним некоторую шутку: он как-то разбросался. Может быть, от этого развешегося, вечно менявшегося напряжения он и сгорел так рано.

Вечер его памяти в декабре 1984 года (готовили вечер для его живого пятидесятилетия, а вышел — траурный) показал, сколь прочна его популярность. Я не забуду этот гигантский зал: люди словно замерли от переполнивших их слез, но не решались их пролить — такие со сцены неслись ликующие, искрящиеся его песни... В зале сидели люди, которые когда-то первыми приняли и подхватили их: постаревшие студенты пятидесятых годов, нынешняя работающая интеллигенция...

Визбор был и остается ее поэтом, выразителем ее душевности, ее судьбы. Нашей судьбы.

Его песни бытуют в живой памяти людей; их поют в студенческих общежитиях, у костров, на зимовках, в кубриках и в каюткомпаниях... да просто везде, где поются песни.

Настала пора собрать эти песни. Настало время вписать лирику Визбора в контекст современной поэзии.

Он поэт товарищества, поэт контакта, поэт тесных человеческих

связей. Это чувствуется, когда сравниваешь его душевную контактность с потаенным одиночеством маленького солдата из песен Окуджавы или с крутой мятежностью героя песен Высоцкого, — тот полагается только на свои силы. А герой Визбора — всегда в связке, в цепочке; Визбор — это тепло дружеских рук, улыбка солидарности, ликование встречи.

Он певец мужской доблести. Его герой — человек с рюкзаком и ледорубом. Человек на крутом склоне. На накренившейся палубе. За рулем мчащейся машины. За штурвалом взмывающего самолета. Его символы — тропа, уходящая в туман, тропа, по круче взбирающаяся к солнцу. Его язык — скупые жесты. Мужская немногословность, слегка стесняющаяся самой себя, как бы прячущая свою силу.

Он певец сильных людей. При том — поразительная достоверность: в деталях, в психологических мотивировках. Никакой выспренности — все абсолютно, почти «по-домашнему» точно: лыжи у печки, качнувшийся вагон, намокшая палатка... Дом на колесах. Романтическая мечта выношена не в воображении джек-лондонского героя, а в сознании реального послевоенного студента, из тех самых детей войны, что выжили в страшные годы, выросли на «горбых улицах», а потом, выучившись, освоив книжные премудрости, закинули на спины рюкзаки и пошли осваивать эту землю.

Визбор, с его нехитрыми покоряющими мелодиями, с его душевностью, с его улыбающимся, компанейским обликом — романтик этого поколения.

Поэт доблести, вневостанной в нежном и ранимом сердце. Поэт улыбки, в которой из-под уверенности бывалого человека видно потрясение мальчика, глядевшего в глаза войне. Он поэт поколения, не утратившего юношеской мечтательности. Он поэт эпохи, которая завещает свою мечту сильным людям будущего.

Таким он и останется в истории современной лирики — «рыжий Визбор» со смеющейся гитарой, веселый, живой, прячущий грусть под скупой мужской повадкой.

Л. АННИНСКИЙ

**ЮРИЙ
ВИЗБОР**

Фирма «Мелодия» выпустила пластинку «Наполним музыку сердца» [М60 46691 000], в которую вошли песни Юрия Визбора разных лет.